

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О СОПЕРНИЧЕСТВЕ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ВОЙН И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Е.М. САВИЧЕВА

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117138 Москва, Россия

Статья посвящена анализу соперничества западных держав на Ближнем Востоке в периоды мировых войн. Прослеживается влияние ситуации в метрополиях и освободительных движений в арабских странах на данный процесс.

Можно с уверенностью утверждать, что Ближний Восток практически всегда занимал если не центральное, то, во всяком случае, одно из ключевых мест в мировой политике. С незапамятных времен, считаясь «колыбелью цивилизации», занимая важное геостратегическое положение и находясь, с одной стороны, на стыке африканского и азиатского континентов, а с другой – вблизи от Европы, этот регион естественным образом превратился в узловой «коммуникационный центр» мирового значения. Он оказался богат и полезными ископаемыми, главное из которых – нефть, послужившая предметом ожесточенных схваток между державами, претендовавшими на господство в мире либо в отдельных его частях. Традиционным достоянием этого обширного района является выращиваемая в нем сельскохозяйственная продукция. И наконец, на современном этапе он также является важной сферой приложения капиталов, служит емким рынком.

Все эти перспективные обстоятельства не являлись секретом для лидеров и стратегов ведущих держав; каждая из них прилагала усилия к тому, чтобы потеснить соперников и установить собственное господство. По ходу истории эта борьба распространяла свои масштабы и периодически обострялась, вызывая глубокие кризисы – и стержневым фактором, придававшим этому процессу цикличность, стали мировые войны. Дважды в прошлом столетии эта страшнейшая из мировых социальных эпидемий охватывала континенты и регионы, нанося человеческому обществу колоссальный и трудновосполнимый ущерб.

На протяжении XIX в. европейские державы не раз взвешивали и обсуждали возможность распада громадной Османской империи (большей частью которой и был тогда арабский мир), проводили многочисленные тайные контакты по этому поводу. Приблизительно до конца XIX столетия турецкому сул-

тану удавалось так или иначе поддерживать баланс, выгодный для сохранения империи – например, содействуя гегемону колониализма – Британии в защите ее торговых путей через Восточное Средиземноморье в Индию, а Франции – не мешая реализовывать традиционные интересы на североафриканском и ближневосточном пространствах [1].

Однако настал XX век: на подходах к Ближнему Востоку появилась Россия. Константинополь (Стамбул) постепенно утрачивал контроль над проходом судов через черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, возникло множество иных коллизий и потенциальных угроз.

Логично последовала переориентация альянсов на региональной почве, отчего обстановка дополнительно усложнялась (так, Османская империя еще до младотурецкой революции 1908 г. стала с нарастающей энергией сближаться с кайзеровской Германией).

Пронесходившая тогда «перестройка» международно-политических союзов отражала не только обновление приоритетов для европейских «игроков» (подразумевая значимость тех же проливов и т. д.), но была также вызвана новыми явлениями и процессами в арабском мире, который все еще формально был подчинен власти Порты. Прежде всего, имеется в виду арабский национализм, который только что зародился и неизбежно приобретал со временем антиколониальные оттенки (нацеливаясь то против гегемонии турецкого султана, то британской короны).

Когда в 1914 г. разразилась мировая война, ряд обстоятельств обусловил выбор Стамбула в пользу участия в конфликте на стороне «центральных держав» (в этом он видел для себя едва ли не единственный путь к спасению). Со своей стороны, крупнейшие участники Антанты без особых трудностей достигли согласия относительно предстоящего дележа Османской империи. Интересы России тогда позиционировались в основном в пределах кавказской и черноморской зон, тогда как Франция и Великобритания сталкивались насчет раздела территории так называемого «Благодатного полумесяца» – пространства от Восточного Средиземноморья до Месопотамии, на две сферы влияния. Соответственно Франции была здесь отведена территория современных Ливана и Сирии, а Великобритании достались Ирак и Палестина (там, где ныне весьма немирно сосуществуют Израиль и ПНА). Именно об этом гласило секретное «соглашение Сайкс-Пико», достигнутое упомянутыми полномочными представителями Лондона и Парижа в столице Великобритании весной 1916 г. [2].

Кроме того, желая упредить объявленный султаном «джихад» западным державам, англичане сумели договориться с «хранителем мекканских святынь» – правителем Хиджаза Хусейном, главой династии Хашимитов. Последнего с помощью небезызвестного легендарного разведчика Лоуренса удалось заинтриговать идеей создания «великого независимого арабского государства»; англичане, позаимствовавшие ее у арабских националистов, определенно обещали Хусейну свое содействие в воплощении прожекта в обмен за «боевые услуги» в борьбе против оттоманского правления (и якобы – за «освобождение арабов») [3].

В июне 1916 г. Хусейн объявил начало арабского восстания и позднее провозгласил себя королем арабов – не ведая об уже состоявшемся за спиной арабов сговоре англичан с французами, не зная ничего и о других их коварных замыслах (типа знаменитой «Декларации лорда Бальфура», приглашавшей от

имени правительства Ее Величества еврейский народ создать себе национальный очаг в Палестине) [4].

Договоренности, обещания и обязательства держав в отношении судьбы арабских территорий были пронизаны противоречивостью и, следовательно, неопределенностью. Главный их смысл и содержание состояли в том, чтобы заменить отмирающую, ставшую ненужной государственную систему другой – такой, которая бы в наибольшей мере могла удовлетворить интересы государств – победителей, окончательно утверждавшихся здесь в роли метрополий.

Послевоенная Парижская мирная конференция, помимо всего прочего, рассмотрела вопросы будущего развития огромной территории Османской империи (оказавшейся в лагере проигравших и распавшейся точно таким же образом, как и другая «лоскутная» империя – Австро-Венгерская). Достигнутые по ее итогам договоренности в Сан-Ремо, а также Севрский договор зафиксировали заранее согласованный союзниками замысел – введение на Арабском Востоке системы мандатов. Туркам пришлось отказаться от всех прав на Египет, Судан и Ливию, признать французский протекторат над Тунисом и Марокко. В свою очередь Египет, уже являвшийся с 1914 г. британским протекторатом, боролся за получение независимости и «де-юре» получил ее в 1922 г. (а «де-факто» – много позже). Сирия и Ливан, со ссылкой на формулу, прописанную в одной из статей Устава Лиги наций, были переданы в качестве подмандатных территорий Франции, а Месопотамия (Ирак) и Палестина (западнее и восточнее реки Иордан) – Британии.

Такие решения изначально задали импульс целой серии антиколониальных войн, которые и происходили на указанных арабских пространствах начиная с 1920-х гг. И это совершенно объяснимо и логично – ведь оказались задеты национальные чувства арабов: европейские «союзники» посулили общее государство, направили их эмоциональный освободительный порыв против турецкого противника, а сами затем силой и обманом навязали им систему мандатов.

Притом существовали заметные различия между мандатной политикой французов и британцев: первая была откровенно интервенционистской, тогда как вторая содержала некие либеральные элементы, подразумевала поиски диалога и сотрудничества между метрополией и подмандатными территориями. В немалой степени британская изощренность была связана с тем, что с марта 1921 г. лондонское министерство по делам колоний возглавлял сам У.Черчилль. Британская система мандатов под его умелым началом была смягчена и упорядочена; помимо прочего, было создано буквально на пустом месте совершенно новое государственное образование – Трансиордания.

Осенью 1935 г. фашистская Италия развязала войну в сопредельной с арабским миром Эфиопии. Тем самым она попыталась нарушить сложившийся ранее баланс, где ее интересы оказались неучтенными, т. е. вознамерилась сломать сложившуюся по результатам I мировой войны систему раздела мира, а заодно и удовлетворить свои «бывшие через край» воинственные амбиции. Запад и Лига Наций прореагировали на это вяло, как бы допуская возможность «поправок к системе» – и это было с их стороны как минимум недальновидно, памятуя о том, что в определенных государствах Европы у власти уже находились фюрер, дуче и каудильо. Кстати, под влиянием происходящего активизировались и египетские националисты, потребовав у Британии полного сувере-

нитета. И Египет это получил, пусть в обмен на важные уступки для Лондона (такие, как сохранение военных баз в зоне Суэцкого канала и контроль над последним).

В целом же, однако, кардинальных изменений в статусе арабских стран вплоть до начала II мировой войны так и не произошло: положение вещей в принципе сохранялось таким, как об этом тайно сговорились Англия и Франция около четверти века назад. Палестина с Трансиорданией оставались подмандатными территориями, а Египет с Ираком – формально суверенными, но все так же зависимыми от Лондона. Преобладало британское влияние и на Аравийском полуострове, в зоне Персидского залива. Страны Магриба были подконтрольны Парижу. Сирия и Ливан по-прежнему пребывали под французским мандатом, терпя произвол Парижа по части перекройки границ (уступка Александретты Турции и т. д.).

Начало II мировой войны, хотя и не выглядело для Британии обнадеживающим, но зато позволило ей укрепить свое положение ведущей колониальной державы на Ближнем Востоке [5]. К весне 1941 г. почти весь этот регион был по существу оккупирован английскими войсками. Исключение составила Саудовская Аравия, но и она находилась в сильной зависимости от Лондона, поскольку без его финансовой помощи существование этого пока «молодого» королевства оказывалось под вопросом. Британская гегемония в регионе была к тому моменту практически безраздельной, чему немало способствовали столкновения и коллизии между «вишистскими» колониальными администрациями и голлистской «Свободной Францией» на французских «заморских территориях».

С другой стороны, Ближний Восток и сам по себе создавал серьезные проблемы мандатариям. Так, опасения у Лондона вызывали тайные связи египетского короля Фарука с Берлином и Римом, и это воспринималось Лондоном тем более серьезно, поскольку Каир по традиции оставался координационным центром для его военно-разведывательной и политико-дипломатической деятельности во всем регионе. А после высадки в мае 1941 г. немецких войск Роммеля в Ливии вопрос о позиции Египта стоял перед англичанами особенно остро. Им пришлось столкнуться и с другими потенциальными рисками в пределах региона – а именно, в Ираке (где обнаружилось довольно сильное немецкое влияние на Багдад) [6] и в Палестине (где неуклонно рос накал страстей между арабами – палестинцами и еврейскими иммигрантами).

Кабинет Черчилля все время держал ситуацию в ближневосточном регионе под неусыпным вниманием. «Несмотря на тяжелое положение на островах, – вспоминал впоследствии маститый политик, – военный кабинет был полон решимости оборонять Египет с использованием любых ресурсов, которые ему можно было выделить в обстановке той решающей борьбы, которая происходила дома» [7]. Таким образом, в сложных обстоятельствах, сложившихся после поражения Франции и ее частичной оккупации немецко-фашистскими войсками, когда угроза вторжения нависала уже над Британскими островами – даже и тогда усилия Лондона были направлены еще и на сохранение британского господства на арабо-ближневосточном театре, и на решение этой задачи были брошены все наличествующие ресурсы и метрополии, и ее колоний. Показательно, что с декабря 1940 г. и до конца войны в регион регулярно выезжал ми-

нистр иностранных дел А. Иден, сам убежденный приверженец наращивания там британского присутствия [8].

И все же важнейшие события великой войны обошли ближневосточный регион стороной; Эль-Аламейн оказался в этом отношении пусть ярким, но единственным исключением [9]. Кстати, в данной связи стоит обратить внимание на небезынтересный факт: со стороны антигитлеровской коалиции эту битву вели контингенты исключительно Британской империи – шотландцы и сикхи, непальцы и новозеландцы и пр.

Что же до арабского участия в главной – «военной» составляющей этой бурной эпохи, то такового попросту не наблюдалось, причем не только в названном сражении, но, пожалуй, и на всем пространственно-временном протяжении величайшей в человеческой истории войны. По мемуарному свидетельству того же А. Идена, один из его арабских собеседников того периода был с ним достаточно откровенен, заявив: «Арабы не видят оснований для вступления в войну, рассматривая ее как не свое дело» [10].

Однако же политико-дипломатическая борьба на Ближнем Востоке отнюдь не утратила от этого свою остроту и даже ожесточенность; можно совершенно определенно утверждать, что она оказывала влияние на всю международно-политическую сферу, если не в тот момент, то в перспективном плане. Соперничество держав в регионе в годы второй мировой войны отчетливо подразделялось на два этапа [11]. На первом этапе, охватывавшем 1939–1942 гг., основная борьба велась между Англией, Францией (с 1940 г. «Свободной Францией» генерала де Голля) и США, с одной стороны, а с другой – Германией и Италией. Противоборство достигло апогея в конце 1941 – первой половине 1942 гг., приведя к поражению стран фашистского блока. Полный их крах и окончательная капитуляция были еще впереди – но все это происходило уже на европейском театре действий. Между тем, на Ближнем Востоке наступил второй этап, длившийся на протяжении 1943–1945 гг., когда на передний план постепенно выдвинулись противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции – США, Англией и Францией.

Все из перечисленных держав – и вероломные агрессоры, что в конечном счете оказались повержены, и будущие победители – преследовали каждая свои собственные цели. Так, Германия и Италия стремились ликвидировать английское и французское колониальное господство на Арабском Востоке, утвердив взамен свое.

Что касается Англии и Франции, то цели и мотивы их отчасти совпадали: обе они стремились не оказаться вытесненными со своих ближневосточных позиций. Но наряду с тем, Британия старалась как на первом этапе, так и в еще большей степени на втором расширить свое влияние за счет ослабленной Франции.

Позиция Соединенных Штатов характеризовалась тем, что, будучи заинтересованными вместе с Англией и Францией в недопущении захвата арабских территорий государствами фашистской «оси», Вашингтон в то же время стремился не упустить представившейся ему выгодной возможности и ослабить здесь позиции своих союзников и конкурентов одновременно.

В конечном счете Германия и Италия под предводительством нацистских вождей – Гитлера и Муссолини были разбиты. И притом главная заслуга в этом принадлежала Советскому Союзу, как бы ни трактовали это потом историки на

Западе. Вследствие этого и Берлину, и Риму пришлось раз и навсегда попроситься с экспансионистскими планами в отношении Арабского Востока – играть там значительную роль им было уже не суждено.

Свои прежние позиции к концу войны потеряла и Франция – держава, начисто провалившая начало второй мировой войны, но волей исторической судьбы оказавшаяся к концу ее среди триумфаторов. Однако трудности, ею пережитые, не прошли даром: примерно к освобождению Парижа ему пришлось сдать свои прежние позиции в ближневосточном регионе и отказаться от мандата на Ливан и Сирию, признав их политическую независимость. Вместе с тем, Франция еще долгое время сохраняла ставшие традиционными связи с двумя этими арабскими странами, играя заметную роль в различных сферах их жизни.

Весьма благоприятными на тот момент выглядели политические итоги, сложившиеся на Арабском Востоке для Великобритании: она до поры сохранила здесь свои владения, и ни одно из них не перешло под эгиду иного государства. Более того, ей удалось, к примеру, укрепить свое влияние на сирийско-ливанском пространстве (независимо от французского недовольства на грани противодействия). И все же незыблемость позиций Лондона на поверку была кажущейся. В Египте, Ираке, Палестине и других арабских странах очень скоро и достаточно резко активизировались антиколониальные процессы, под напором которых Лондон стал затем терять одну позицию за другой.

«Пальма первенства» среди западных держав на Ближнем, и в частности, Арабском, Востоке постепенно, но прочно перешла к США, и это было вполне закономерно. Ведь именно в годы II мировой войны был заложен основательный фундамент американского влияния в арабском регионе, а последующие события, изрядно изменившие здешнюю политическую географию и расстановку сил, только стимулировали дальнейшее развитие данной тенденции. Впрочем, одновременно развивались и другие – например, тенденция, ведущая к утверждению самостоятельности и независимого развития арабских государств.

В сложившихся условиях лондонские правящие круги сочли для себя необходимым приступить к разработке плана нового переустройства региона. Они заранее осознали, что в послевоенный период неизбежно придется в чем-то уступить набиравшему силу арабскому освободительному движению. Кстати, особой популярностью в этой среде продолжала пользоваться идея «арабского единства», т. е. создания единого государства арабов. Британцы решили с выгодой для себя использовать этот популярный здесь лозунг в очередной раз – и на сей раз для того, чтобы потеснить своего союзника-конкурента – Францию. Еще 29 мая 1941 г. британский министр иностранных дел А. Иден выступил с заявлением, будто «арабский мир созрел для единства» и Британия якобы «поддержит любой проект, который получит общее одобрение арабских стран».

Однако обострение военной обстановки заставило Лондон отложить реализацию своих ближневосточных замыслов; к ним вернулись лишь после того, как грядущий исход войны стал уже очевиден. В феврале 1943 г. А. Иден вновь декларировал поддержку тезиса арабского единства, а несколько месяцев спустя – явно с британской «подачи» – король Трансиордании Абдаллах выдвинул план создания «Великой Сирии». В состав этого нового конфедеративного государства должны были войти Сирия, Ливан, Трансиордания и Палестина. Поддержку сему замыслу выразил премьер-министр Ирака Нури Саид, предложив

включить в состав планируемого «панарабского» государства еще и его страну (это был уже проект «Благодатного полумесяца»).

7 октября 1944 г. в Александрии открылась межарабская конференция в верхах, на которой были обсуждены предложенные проекты. Ни один из них не получил одобрения – и тем не менее, на конференции было принято решение о создании региональной межправительственной организации – Лиги Арабских Государств (ЛАГ), в состав которой вошли тогда Египет, Саудовская Аравия, Сирия, Ливан, Ирак, Трансиордания и Йемен. В основу процедуры принятия решений ЛАГ был положен принцип консенсуса.

На александрийской конференции обозначилось наличие в арабском мире двух неформальных коалиций. С одной стороны, это были Ирак и Трансиордания, правящие круги которых ориентировались на Лондон, считая необходимым сохранить британское военно-политическое присутствие в регионе. С другой – Египет и Саудовская Аравия, выступавшие за уход старой метрополии. Они пользовались поддержкой США, которые, хотя и весьма осторожно, но определенно выступали за демонтаж «британского заповедника» на Ближнем Востоке. Как раз в это время начал складываться военно-политический союз Саудовской Аравии и США; у истоков стояли американские нефтяные компании, руководители которых смогли убедить президента Ф.Д. Рузвельта в огромном стратегическом значении нефтяных запасов этой страны для американских интересов.

Инициативу по послевоенной деколонизации региона взял на себя Египет (тогда еще – монархический). В декабре 1945 г. каирское правительство обратилось к Лондону с просьбой пересмотреть неравноправный англо-египетский договор 1936 г. и вывести британские войска из зоны Суэцкого канала. В апреле 1946 г. начались двусторонние переговоры, которые зашли в тупик; в июне 1947 г. конфликт Лондона и Каира стал объектом рассмотрения Совета Безопасности ООН, десять заседаний которого так и не дали результата. Дальнейшее развитие спора было прервано образованием Государства Израиль и первой арабо-израильской войной, в которой Египет принял активное участие.

Вместе с тем, у Британии в регионе имелся еще важный союзник в лице Трансиордании. Британское правительство признало ее независимость и поддержало просьбу о принятии ее в ООН. В январе 1947 г. королевство подписало союзный договор с Турцией, а в апреле того же года – с «династически родственным» королевством Ирак. В региональных отношениях стали просматриваться очертания системы военно-политических договоров, за которыми стояла Британия. Впрочем, этой системе предстояла не слишком долгая жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Энцо Ди Нольфо. История международных отношений 1918–1999 / Под ред. М.М. Наринского. Т. 1. – М., 2003, с. 97.
2. Часть Палестины (так называемая «коричневая зона») должна была отойти под международное управление.
3. In the Anglo-Arab Labyrinth: the McMahon – Husayn Correspondence and its Interpretations. 1914–1939. – Cambridge, 1976.

4. Selected Political Documents Related to the History of the Zionist Movement / Ed. by E. Friesel. – Jerusalem, 1984, p. 6.
5. Системная история международных отношений / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. 3. – М., 2000, с. 137.
6. Hirsztowicz L. The Third Reich and the Arab East. – L., 1966.
7. Churchill W. The Second World War. Vol. 2. – L., 1949, p. 418.
8. Eden A. The Memoirs. Vol. 3. – L., 1969, p. 138.
9. См.: Чмур С. Эль-Аламейн, 1942 / Пер. с польского яз. – М., 2003.
10. Eden A. The Memoirs. Vol. 3, p. 156.
11. Оганесян Н.О. Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы Второй мировой войны. – Ереван, 1980, с. 261.

ON THE WESTERN STATES' RIVALRY IN THE MIDDLE EAST IN THE DISCOURSE OF WORLD WARS AND NATIONAL LIBERATION MOVEMENTS

E.M. SAVITCHEVA

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklay st., 117198 Moscow, Russia

The article concerns the rivalry of the Western states in the Middle East in the period of the world wars. The impact is exerted on this process through the political situation in the states and the national liberation movements in the Arab countries.